

©1996 г.

В.Н. ИВАНОВ

РЕФОРМЫ И БУДУЩЕЕ РОССИИ

ИВАНОВ Вилен Николаевич - доктор философских наук, профессор, действительный член Академии социальных наук.

На нынешнем отрезке всемирной истории проблема будущего сводится главным образом к выяснению перспектив выживания и развития в условиях сложных и разносторонних трансформаций, затрагивающих так или иначе все страны и континенты на рубеже XXI столетия. Вместе с тем, конкретное содержание нашей реальности отличает определенная специфика для каждой страны, которая детерминируется прежде всего состоянием экономики, местом и ролью государства в мировом сообществе. Для России ее ближайшее будущее связано с судьбой осуществляемых ныне реформ, ставших весьма своеобразным и противоречивым продолжением так называемой перестройки, начавшейся во второй половине 80-х годов. Именно в то время страна осознала необходимость радикальных изменений в жизненном укладе и способах жизнедеятельности советских людей. Однако правильно определить содержание и методы осуществления этих изменений не удалось. Быстрая смена ориентиров, задач и лозунгов реформирования предопределила его судьбу. Реформы не стали делом большинства населения страны. Более того, либерализация цен, ваучерная приватизация, оборонная конверсия и т.д., навязанные сверху, по мере продвижения способствовали росту неприятия к ним. Росло отчуждение от них различных слоев и групп населения. (Для такого вывода достаточно сослаться на результаты социологического исследования «Как живешь, Россия?», проведенного в мае-июне 1995 г. учеными ИСПИ РАН по всероссийской выборке, представительной для всего взрослого населения. Например, на вопрос «Как Вы относитесь к курсу экономических реформ проводимых руководством страны?» 58% опрошенных россиян ответили: «отрицательно»; 10,5% - «в основном положительно»; 4,9% - «безразлично»; 19,6% затруднились ответить.) В результате страна оказалась отброшенной по ряду важнейших показателей состояния народного хозяйства и уровня жизни населения на многие годы назад, увеличив свое отставание от развитых промышленных стран и усугубив кризис, в котором она пребывала в последнюю четверть XX столетия.

Не получивший массовой поддержки курс реформ стал предметом пристального внимания и научного анализа политиков и ученых как в России, так и за рубежом. Напомню о некоторых выводах, к которым пришли иностранные коллеги в процессе изучения динамики и результатов реформ.

Так, профессор американского Университета содружества Вирджинии Л. Нельсон в качестве главных причин провала нынешнего курса реформ назвал выбор неадекватной теории и игнорирование социокультурного фактора, неучет «непластичности», инерционности национальных культур. А бывший посол Великобритании в Москве Родрик Брейтвейн высказался еще жестче: «Вполне вероятно, что настоящая опасность для России заключается не в том, что в ней возродится авторитарный режим прошлого, а в том, что она станет убогой и нищей копией сегодняшней Латинской Америки».

Абсолютизация реформаторами чисто экономического (монетаристского) подхода привела к явно негативным последствиям, причем не только экономического характера. Это достаточно глубоко осознано сегодня многими политиками и учеными. Что касается недооценки социокультурного (и следует добавить - этнокультурного и этнополитического) подходов, то здесь в плане теоретического осмысления, разработки соответствующих моделей реформирования и прогнозов возможных последствий сделано еще очень мало.

Социокультурный фактор - самый глубинный, не поддающийся быстрым и радикальным трансформациям. Это закономерное явление, не считаться с которым - значит обресть себя на крупные ошибки и просчеты.

В чем конкретно проявился (и проявляется) неучет социокультурных особенностей России в процессе проведения реформ? Главное, с нашей точки зрения, здесь состоит в том, что либерально-демократическое реформирование осуществляется по западному образцу и по западным рецептам.

В основе новейшей западной (европейской) культуры лежит, как известно, идея примата личности (и индивида), ее прав и интересов. В основе восточноевропейского и азиатского менталитета лежит идея примата общности. И заменить одно на другое механически, быстро, под нажимом сверху без серьезных потерь невозможно. Вполне понятно, почему попытка пересадить на российскую почву западнический индивидуализм и заменить им господствовавшие до этого коллективизм и соборность терпит крах и вызывает неприятие многих. Хотя было бы неверным не видеть, что под давлением обстоятельств и интенсивной пропаганды многие традиционные для россиян ценности оказываются размытыми, а ориентация на личный успех и личное благополучие для значительной части людей (особенно молодых) становится более важной, чем такие понятия, как долг, родина, честь, коллектив.

Девальвация высших духовных ценностей серьезно ослабляет общество, сводит на нет его усилия выйти из кризиса. В свое время выдающийся русский философ И. Ильин писал: «Живя в государстве, люди объединяются не просто территорией или общим подчинением, они объединяются в совместном волевом напряжении и волевом действии». Совместное «волевое действие» становится возможным на основе единой системы ценностей и четко определенных в этой связи целей и способов их достижения. Попытки разрушить эту некогда единую систему и отсутствие понятных и близких для большинства целей преобразований приводит только к усилению социальных антагонизмов, конфликтов, идейно-нравственной дезориентации, понижает уровень общественного согласия и сотрудничества в обществе.

Можно ли серьезно рассчитывать на успех реформирования, если почти половина населения многих регионов России живет с ощущением возможной гражданской войны, а некоторые из опрошенных в ходе исследований, проведенных в 1995 г., считают, что она уже началась. Проиллюстрирую это на конкретных данных. Так, на вопрос «Возможно ли, по Вашему мнению, в нынешней России возникновение гражданской войны?» были получены следующие ответы (от числа опрошенных): 5% жителей Самары, 4% москвичей и 1% оренбуржцев ответили, что возможно; 13%, 24% и 15%

(соответственно) считают это маловероятным; 49%, 45% и 47% (соответственно) заявили, что это вполне возможно; 4%, 3% и 7% (соответственно) говорят, что этого не избежать; о том, что такая война уже началась, думают (соответственно) 17%, 13% и 22%; затруднились с ответом 13% опрошенных волжан, 10% москвичей и 8% уральцев.

И все-таки эти реформы нужно продолжать, так как они необходимы. Но теперь уже те, которые не только исправляли бы недостатки и деформации 70-летнего социалистического эксперимента, а и ошибки перестроечного десятилетия. Какими они должны быть? Какой путь может привести Россию к успеху, вернуть ей статус могучей державы и обеспечить ее гражданам достойную жизнь?

Сошлюсь еще на одного иностранного эксперта. Летом 1995 г. в Оксфорде в Международном институте стратегических исследований вышла работа под названием «Российская действительность и политика Запада». Одна из глав этого научного труда была написана Родриком Брейтвейном, знающим Россию не понаслышке. Он в частности отмечает: «Каким путем двигаться - вот основной вопрос, ответ на который должен дать сам русский народ». Автор считает, что этот вопрос пока остается открытым и добавляет: «Определенно можно сказать одно: это будет особое, русское будущее». В чем смысл этой этнокультурной доминанты? В чем «особость» этого русского будущего? И есть ли она?

Разумеется, есть. И заключается она не только в своеобразии русской, евразийской по своей сути истории и культуры, но и в особенностях переживаемого русской нацией исторического момента. Они в первую очередь состоят в том, что именно в нынешние, 90-е годы, завершился великий имперский период истории России. Россия встречает новое столетие в новых границах, в новом национальном составе, в условиях потери былой роли супердержавы, а стало быть, с новым ощущением ее граждан, живущих в стране, потерпевшей поражение в «холодной войне».

В поисках оптимального выхода из нынешнего сложного, полного драматизма положения, Россия должна рассчитывать только на себя, свои ресурсы, свой исторический опыт, свой менталитет. Она должна поставить во главу угла своей политики, как внутренней, так и внешней, собственные национальные государственные интересы.

Речь идет о русской национальной идее в ее нынешней интерпретации. Что в ней от прошлого, что от настоящего, что жизненно важно для будущего? В ответе на этот вопрос должен содержаться не только своеобразный рецепт выхода из кризиса, но и представление о том, как сохранить целостность и единство российского государства, обеспечить его будущность.

В дореволюционной России ее объединительные устои воплощались в формуле: «Православие. Самодержавие. Народность». После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. коммунистическая идея заменила православие, советская власть - самодержавие. На смену народности пришел «советский народ» как новая интернациональная общность.

В 90-е годы после беловежских соглашений и последующего за ними фактического развала Союза на смену коммунистической идее пришла идея национальная. По сути дела она восторжествовала на всех территориях бывших союзных республик, став знаменем внутригосударственной консолидации. Подобное обстоятельство не осталось незамеченным и получило адекватную оценку. В этой связи имеет смысл привести высказывание профессора В. Россаде (Мюнхен): «Основной чертой новых государств-гегемоний является их крайний, бурный и совершенно иррациональный национализм». Если учесть, что все они многонациональны по составу, то нетрудно предположить, насколько проблематично единство и согласие в новых государствах. Но, пожалуй, наиболее остро эта проблема стоит для России как самой многонациональной из всех бывших советских республик. Если национальная идея станет главной в менталитете каждого народа, проживающего на территории России, то распад России как единого государства станет неизбежен.

Очевидно, в качестве основных объединяющих страну идей должны стать идеи наднациональные. Для их определения и соединения в понятную и приемлемую для большинства формулу, концентрированно выражающую идеологию переходного периода (периода реформ), целесообразно обратиться к доминирующим представлениям массового сознания. В этой связи представляют интерес ответы респондентов на следующий вопрос: «В конце XIX - начале XX века Правительство России в своей политике опиралось на три понятия: самодержавие, православие, народность. Какие, по Вашему мнению, три понятия могли бы лечь в основу политики возрождения России?» На первое место вышел ответ - справедливость (43,9% опрошенных), на второе - права человека (37,3%), на третье - порядок (35,9%). Интересно отметить, что на православие указали 7,5%; самодержавие - 2,2%; народность - 3,8% опрошенных.

Ясно: за выбором именно данных понятий стоят чаяния больших масс, что имеет само по себе первостепенную важность при определении приоритетов реформирования российского общества.

Социальная справедливость предполагает учет в процессе реформирования социально-экономических потребностей и интересов всех социальных групп общества, не допуская несправедливого обогащения меньшинства за счет обнищания большинства (воплощенный на практике гайдаровский вариант реформы как раз и привел к ограблению большинства населения и появлению малой прослойки богатых и сверхбогатых людей, так называемых «новых русских»).

Права человека предполагают, что все граждане России, независимо от национальной принадлежности, пола, профессии, вероисповедания пользуются на всей территории страны и во всех ее регионах равными правами на жизнь, свободу, безопасность, участие в управлении государством, на труд, свободный выбор работы, передвижение, выбор конфессии, владение имуществом, социальное обеспечение и т.д. вопреки требованиям этнократических элит утвердить какие бы то ни было приоритетные права представителям титульных наций и любым попыткам игнорировать права нацменьшинств или малочисленных народов, с чьей стороны они бы ни предпринимались.

Порядок - это не только общее чаяние законопослушных граждан. Это и необходимое условие успешного реформирования России. Установленный демократическим путем (при участии населения и в интересах большинства) порядок, поддерживаемый всей политической системой и в первую очередь государством, может обеспечить необходимый уровень сотрудничества разных социальных (демографических, национальных, профессиональных) общностей, согласования противоречивых интересов, мобилизацию усилий и ресурсов общества на выполнение важнейших для общего блага задач, осуществление запланированных акций.

Итак, формула, выражающая основополагающие идеи-требования, осуществление которых способно обеспечить необходимый и достаточный уровень взаимодействия и сотрудничества всех слоев и групп общества на этапе его реформирования, может быть сформулирована следующим образом: социальная справедливость, права человека, общественный порядок.

Особенность этой формулы в отличие от многих других, предлагаемых сегодня учеными и политическими деятелями, стремящимися предложить «единственно верную программу реформирования России», в том, что она представляет собой не очередную попытку что-то «сочинить», исходя из благих пожеланий, а отражает главное в социальных ожиданиях большинства россиян. Следовательно, она достаточно легитимна, чтобы стать признанным руководством к действию.

Ее воплощение в жизнь даст мощный толчок к формированию государственного (общероссийского) патриотизма, способного сыграть цементирующую роль в укреплении державного могущества России, ее целостности и единства, успешно противостоять любым проявлениям партикуляризма, ведущим к разрыву установившихся за многие десятилетия социальных и экономических связей, стимулирующих раздроб-

ленность, обособленность и сепаратизм. Государственный патриотизм будет утверждаться и развиваться по мере успешного продвижения «горизонтальной интеграции России», т.е. упрочения постоянно расширяющихся, естественно-необходимых экономических и культурных связей регионов.

Наряду с государственным патриотизмом основу объединительной идеологии должны составлять идеи нового демократического федерализма и евразийства. Для их утверждения уже созданы определенные предпосылки. Идея федерализма отнюдь не отвергалась в годы советской власти, но скорее декларировалась, чем претворялась на практике. Заключенный в 1992 г. Федеративный Договор фактически спас Россию от развала, хотя, конечно, не решил всех существовавших в отношениях между Центром и регионами проблем. Работа в этом направлении должна продолжаться, нужны поиски действенных механизмов реализации конституционных норм и принятых в последние годы законов, регулирующих федеративные отношения. Особую важность в этой связи представляют вопросы разграничения функций федерального бюджета, бюджетов субъектов Федерации и местных бюджетов. От их решения во многом будет зависеть, и финансовая стабилизация и устойчивое развитие регионов и России в целом.

Что касается евразийской идеи, то она должна привлечь к себе больше внимания, чем это было до сих пор. Во времена царизма и в годы советской власти был накоплен значительный опыт сосуществования и сотрудничества народов, принадлежащих к разным типам культур (разным цивилизациям). Однако за многие годы (и столетия) сложилось по сути единое культурное пространство евразийских народов, которых сближала общность исторической судьбы, близость мировоззрений и поведенческих стереотипов. В их взаимоотношениях сложился естественный динамический баланс, обеспечивший внутреннюю прочность союза этих народов. Всякое волюнтаристское вмешательство в устоявшиеся межнациональные отношения способно только породить ненужные и опасные конфликты. Достаточно полный учет прошедших проверку временем традиций и норм взаимоотношений разных народов способен усилить интеграционные тенденции и создать новые предпосылки для эффективной созидательной деятельности.

Евразийская идея перспективна и в плане реинтеграции постсоветского пространства. Россия должна всячески содействовать (более активно, чем до сих пор) воссозданию на евразийском континенте обновленного Евразийского Союза (Евразийской Конфедерации). От этого во многом зависит как ее будущее, так и будущее всех других народов, находящихся в новых границах новых независимых государств. Совместными усилиями евразийские народы смогут решить сложнейшие проблемы реформирования своих стран, используя богатейшие природные, технологические, интеллектуальные, людские ресурсы, самодостаточность евразийской цивилизации.

Учет социокультурного, этнокультурного и геополитического аспектов расширит поле реального реформирования и приблизит последнее к системному качеству. Но остается актуальным внесение существенных изменений в главные - экономический и социальный - аспекты реформы.

Опыт нашей страны, как и опыт других стран (США, Германии, Японии) свидетельствует о том, что успешными могут быть реформы только при сильной государственной власти, обеспечении ведущей роли государства в планировании социально-экономических изменений и в управлении ими.

Сегодня достаточно оснований для вывода о том, что именно государственный сектор экономики должен стать основным в ходе реформирования народного хозяйства страны, ибо с ним связаны все наукоемкие, основанные на передовых технологиях, производства, воплощающие в себе научно-технический прогресс и требования завтрашнего дня. (Для России это прежде всего аэрокосмический комплекс, самолетостроение, станкостроение, судостроение, некоторые другие отрасли промышленности.)

Должны стать более разнообразными и гибкими формы государственного вмешательства в экономику с учетом специфики различных форм собственности. Прямое директивное управление должно дополняться целой системой косвенных мер и стимулов, побуждающих развивать и совершенствовать производство (в том числе посредством более эффективного и социально справедливого налогообложения).

Усиление роли государства означает также повышение роли федеральных органов власти и федерального законодательства в отношениях Центра с регионами. Повышение экономической самостоятельности последних не должно ослаблять интеграционных тенденций в экономике. Единый народнохозяйственный комплекс, единое правовое и рыночное пространство - одна из центральных целей новой концепции реформ.

Новая концепция (новый курс) реформирования предполагает усиление ориентации на социальные критерии любых намечаемых изменений как в экономике, так и в других сферах; учет их социальной цены и последствий; их возможного влияния на уровень общественного согласия и межнациональные отношения.

Новый курс реформ должен быть направлен также на исправление явно обозначившегося в последние годы нарушения паритета в отношениях Запада с Россией (это находит свое проявление не только в торговле, но и в решении многих других актуальных международных проблем. Например, мирное урегулирование боснийского конфликта).

Неэквивалентная торговля и разного рода дискриминационные ограничения ставят Россию в невыгодное положение, заставляют ее нести неоправданные издержки. Целесообразно в этой связи восстановить в четко определенных границах монополию на внешнюю торговлю, принять протекционистские меры, обеспечивающие развитие отечественного производства и предпринимательства, и, таким образом, защиту национальных интересов страны.

Изменение курса реформ зависит в первую очередь от политической элиты, от результатов противоборства различных политических партий и объединений, преследующих свои корпоративные цели. Несмотря на многообразие политических программ и платформ можно четко проследить их размежевание на сторонников нынешнего курса и на сторонников его радикального изменения. Продолжение нынешнего курса означает по существу стратегическую ориентацию на усиление экспортно-сырьевого профиля российской экономики. Его сторонники не заинтересованы в развитии наукоемких отраслей народного хозяйства, отечественного приборостроения, станкостроения, информационной техники и т.д. Они не заинтересованы ни в развитии сельского хозяйства, ни в реинтеграции постсоветского пространства. Их не тревожит «бегство» капиталов за рубеж и «утечка мозгов». Они мало задумываются о социальной цене осуществляемых трансформаций и тем более о девальвации духовных и нравственных ценностей.

Неизбежным результатом такого рода реформирования будет превращение России в сырьевой придаток экономики промышленно развитых стран, потеря самостоятельности и полукOLONиальная зависимость от Запада, в первую очередь от США (латиноамериканский вариант развития).

Сторонники нового курса реформ ориентированы на модернизацию экономики на основе учета социокультурной и этнополитической специфики российского общества, повышения регулирующей роли государства; создание предпосылок для перехода в постиндустриальную стадию развития; восстановление державной мощи России; более полное решение социальных проблем. Расчет в этой связи делается на собственные ресурсы и возможности, на объединение созидательных усилий стран СНГ в преодолении «кризиса разорванных связей» на основе их новой интеграции в Евразийский Союз (вариант возрождения России как великой державы).

Разумеется, политические элиты могут самостоятельно определить курс реформирования России, но осуществить его на практике можно, только опираясь на массовую, всестороннюю поддержку большинства трудящихся. В России жизне-

способным и эффективно действующим может быть только тот политический режим, который выражает коренные интересы народа и государства.

В свое время выдающийся русский социолог Питирим Сорокин, говоря о жизнеспособности и созидательном потенциале русской нации, обратил внимание на ее способность «создать политический режим, наиболее подходящий в данных обстоятельствах для защиты своей независимости и национальных ценностей», «заменить существующий режим на режим, который больше соответствует меняющимся условиям». Вся история России, в том числе события последнего десятилетия, подтверждает данный вывод. Об этом всегда должны помнить все, стоящие у руля российского государства.